

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Толстых Владислав Леонидович

Доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения
Российской академии наук (Москва), ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

Период с 1911 по 1949 г. – время «сборки» Китая как государства. В течение этого времени он опробовал разные формы правления и территориального устройства и разные идеологии, использовал разные внешнеполитические стратегии: изоляционизм, ориентацию на Запад и сотрудничество с СССР. Результатами стали выбор в пользу республики, унитаризма и коммунизма (все это с выраженной китайской спецификой) и формирование паттернов, определяющих внутреннюю и внешнюю политику Китая. Статья описывает процесс развития китайского государства, акцент сделан на событиях, имеющих отношение к международному праву. Указанный период делится на две части: период политической турбулентности, предшествовавший японской агрессии (1911–1931), и период относительной консолидации (1931–1949), вызванный данной агрессией. Кроме того, рассматриваются состояние китайской доктрины международного права, обстоятельства отделения Монголии и отношения между Китаем и Тибетом. В заключении автор делает ряд выводов. Во-первых, в указанный период Китай решил сразу четыре задачи: он преодолел зависимость от иностранных государств, отказался от старой феодальной системы в пользу республики, преодолел региональную раздробленность и разрешил классовые противоречия. Во-вторых, институты современного китайского государства были сформированы как ответ на вызовы, вставшие перед китайским народом. В-третьих, внешнеполитические задачи были решены лишь частично: Китай добился отмены неравноправных договоров и частично восстановил свою территориальную целостность, но не смог эффективно противодействовать агрессии со стороны Японии. В-четвертых, опыт данного периода определил внешнеполитические стратегии Китая (самодостаточность, инструментализм и др.). В-пятых, трансформация Китая породила ряд новых проблем, связанных с самоопределением, изоляционизмом и рецепцией права.

Ключевые слова: международное право, история государства и права, государственность, право на самоопределение, неравноправные договоры, международные споры

Для цитирования: Толстых В. Л. Политико-правовое развитие и международно-правовая политика Китая в первой половине XX в. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 1. С. 13–32. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_1_13.

POLITICAL AND LEGAL DEVELOPMENT AND INTERNATIONAL LEGAL POLICY IN CHINA IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

Tolstykh Vladislav

Doctor of legal sciences, leading researcher, Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences (Moscow), ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

The period from 1911 to 1949 was a time of «assembling» China as a state. During this time, it tried out different forms of government and territorial organisation and different ideologies, are experienced different foreign policy strategies: isolationism, orientation

towards the West and cooperation with the USSR. The result was a choice in favour of a republic, unitarism and communism (all with distinctly Chinese characteristics) and the formation of patterns that shape the domestic and international policies of China. The article describes the process of development of the Chinese state and emphasises events related to international law. The above period is divided into two parts: the period of political turbulence preceding the Japanese aggression (1911–1931) and the period of relative consolidation caused by this aggression (1931–1949); it also examines the state of Chinese international law doctrine, the circumstances of the secession of Mongolia and the relationship between China and Tibet. The author draws a number of conclusions. First, in the above period China resolved four challenges at once: China overcame dependence on foreign states, abandoned the old feudal system in favour of a republic, overcame regional fragmentation and resolved class contradictions. Second, the institutions of the modern Chinese state were formed as a response to the challenges faced by the Chinese people. Third, foreign policy objectives were only partially fulfilled: China managed to abrogate unequal treaties and partially restored territorial integrity, but was unable to effectively counter Japanese aggression. Fourth, the experience of the above period shaped China's foreign policy strategies: self-sufficiency, instrumentalism, etc. Fifth, China's transformation has generated a number of new problems related to self-determination, isolationism and reception of law.

Key words: international law, history of state and law, statehood, right to self-determination, unequal treaties, international disputes

For citation: Tolstykh V. (2025) Political and legal development and international legal policy of China in the first half of the XX century. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalу»*, no. 1, pp. 13–32, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_1_13.

Введение

1. Период с 1911 по 1949 г. – время «сборки» Китая как государства. В течение этого времени он опробовал разные формы правления (монархическую и республиканскую), разные формы территориального устройства (трибутарную систему, квазифедерацию и унитарное государство) и разные идеологии (консерватизм, национализм и коммунизм). Он также использовал разные внешнеполитические стратегии: изоляционизм, ориентацию на Запад и сотрудничество с СССР. Результатом стал выбор в пользу республики, унитаризма и коммунизма (все это с выраженной китайской спецификой). Данный выбор, с одной стороны, отражал личные пристрастия политических лидеров и народных масс, а с другой – стал следствием объективных процессов, как развернувшихся на пространстве бывшей империи Цин, так и происходивших в мире. Другим результатом стало формирование паттернов, определивших и продолжающих определять внутреннюю и внешнюю политику китайского государства.

До недавнего времени этот период не вызывал большого интереса ни у западных ученых, сосредоточившихся на более отдаленном прошлом Китая или его современной политике, ни у китайских авторов, избегавших эту тему в силу ее политизированности. Исключением являются несколько крупных работ Дж. К. Фэрбэнка и исследования, посвященные отдельным фрагментам: неравноправным договорам, роли китайских дипломатов, тибетскому вопросу и др. В последние годы, однако, были опубликованы работы, авторы которых пытаются представить целостную картину событий этого периода и извлечь из нее общие уроки. К их числу относятся монография итальянского автора М. Каррай «Суверенитет в Китае»¹, монография Чжипэн Хэ и Лу Суня «Китайская теория международного права» и др.²

Статья делит указанный период на две части: период политической турбулентности, предшествовавший японской агрессии (1911–1931), и период относительной консолидации (1931–1949), вызванный данной агрессией. Кроме того, рассматриваются состояние китайской доктрины международного права, обстоятельства отделения Монголии и отношения между Китаем и Тибетом. Статья написана на стыке истории,

¹ Carrai M. A. *Sovereignty in China*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

² Zhipeng He, Lu Sun. *A Chinese Theory of International Law*. Singapore: Springer, 2020.

политологии и юриспруденции: при описании процесса развития китайского государства сделан акцент на событиях, имеющих отношение к международному праву, и приведены их оценки западными, китайскими и иногда российскими авторами. Для российского читателя данная тема представляет интерес не только в силу значимости китайского вектора внешней политики РФ, но и в связи с наличием некоторых параллелей в истории обоих народов.

Синьхайская революция, правление Юань Шикая, «эра милитаристов» и Нанкинское десятилетие (1911–1937)

2. Во второй половине XIX в. Китай пережил восстания тайпинов и ихэтуаней и принял несколько попыток модернизации, не давших результата. Его суверенитет все более ущемлялся в пользу западных держав, России и Японии; трибунарная система распадалась, а престиж династии падал. В 1911 г. в стране произошло несколько восстаний военных частей, первым из них стало Учаньское восстание (10 октября); все они проходили под антицинскими и республиканскими лозунгами (Синьхайская революция). 12 февраля 1912 г. император Пуи отрекся от престола, и власть перешла к правительству во главе с генералом Юань Шикаем. Последний изначально был избран в качестве временного президента, но в декабре 1915 г. объявил себя императором, после чего против него выступили все политические силы, и он был вынужден отречься от престола. После его смерти началась борьба военных кланов («эра милитаристов», 1916–1928). Формально власть принадлежала Бэйянскому правительству (Пекин), внутри которого происходило соперничество Аньхойской и Чжилийской клик, но Синьцзян, Шаньси, Маньчжурия, Сычуань и некоторые другие провинции управлялись самостоятельными правителями – часто из числа военных.

В 1912 г. была создана националистическая партия Гоминьдан во главе с Сунь Ятсеном, обладавшая влиянием на юге страны и в Национальной ассамблее. В 1913 г. Юань Шикай вступил в открытый конфликт с Ассамблеей и приказал убить ее лидера Сун Цзяожэня, после чего подавил плохо организованное восстание южан и запретил Гоминьдан (Сунь Ятсен бежал в Японию). После смерти Юань Шикая Сунь Ятсен воссоздал Гоминьдан и в 1921 г. был избран президентом Китайской республики со столицей в Гуанчжоу (Кантонское правительство). После его смерти в 1925 г. военным лидером Гоминьдана стал Чан Кайши, который в 1926–1928 гг. объединил страну (Северный поход). Председателем национального правительства стал Ван Цзинвэй, выступавший за более тесное сотрудничество с СССР и коммунистами.

В 1921 г. была создана Коммунистическая партия Китая (КПК), принявшая активное участие в Северном походе (Первый объединенный фронт). 3 марта 1927 г. ее сторонники в Шанхае подняли восстание против Бэйянского (Пекинского) правительства, а 23 марта мародеры из Шестой армии, среди которых было много членов КПК, напали на иностранные консульства, фабрики и поселения в Нанкине, после чего корабли западных держав и Японии обстреляли город с целью обеспечить эвакуацию иностранцев. 9 апреля Чан Кайши, встревоженный усилением КПК и левого крыла Гоминьдана, ввел в Шанхае военное положение и разорвал союз с КПК, а 12 апреля члены Зеленой банды, действовавшие по его поручению, убили несколько тысяч членов КПК и левых активистов¹. Ответом на репрессии стали восстания 1927 г. в Наньчане, Хунане и Кантоне – плохо организованные и быстро подавленные. Коммунисты были вынуждены покинуть крупные города и уйти в горные районы провинций Цзянси, Фуцзянь и Хубэй и др., где в 1931 г. провозгласили Советскую республику. Гоминьдан предпринял против них несколько карательных походов, спасаясь от которых они ушли на северо-запад (Великий поход).

3. Период с 1927 по 1937 г. называется *Нанкинским десятилетием*. Его начальный этап характеризовался регулярными мятежами как старых милитаристов, так и гоминьдановских генералов. Захват Японией Маньчжурии, однако, способствовал консолидации политических сил. Главным приоритетом внешней политики Гоминьдана была отмена неравноправных договоров и территориальных уступок. 6 июня 1928 г. Нанкинское правительство заявило, что стороны неравноправных договоров должны «начать переговоры о новых договорах на основе полного равенства и взаимного

¹ Эта дата считается началом гражданской войны.

уважения суверенитета». Эти усилия не принесли большого результата, но Китай добился отмены 20 из 33 концессий.

Другим приоритетом был протекционизм. После Первой мировой войны Китай заключил с Германией и Австрией равноправные торговые соглашения. В 1926 г. Китай потребовал от Бельгии пересмотра договора о дружбе, торговле и мореплавании 1865 г., сославшись на «многочисленные политические и торговые изменения» и практику регулярного пересмотра торговых соглашений. Бельгия предложила передать спор в международный суд, но Китай отказался, заявив, что политические споры, затрагивающие принцип равенства, не могут рассматриваться судами. В итоге стороны заключили новый договор в ноябре 1928 г.¹ В декабре 1928 г. Китай объявил о восстановлении таможенной автономии и новых ставках пошлин; США и некоторые другие государства признали это решение, заключив с Китаем новые торговые соглашения.

Китайские правительства первых десятилетий XX в. часто оценивались как слабые, фрагментированные и коррумпированные, а их внешняя политика – как неэффективная. Некоторые современные авторы, опирающиеся на новые источники, однако, считают, что им удалось решить многие важные задачи: Китай стал активным участником международных отношений, вступил в международные организации, предъявил требования на утраченные территории и стал регулярно использовать правовые аргументы. Большую роль в этом сыграли китайские дипломаты – Веллингтон Ку, Лу Чжэн Сян, Альфред Сао-Кэ Цзе и др. Тем не менее, по мнению китайской доктрины, Китай оставался объектом, а не субъектом международной политики, а Запад по-прежнему использовал международное право для умаления его интересов².

4. В 1898 г. Германия арендовала часть полуострова Шаньдун (Циндао). В 1914 г. ее владения были заняты японцами и британцами. 18 января 1915 г. Япония вручила правительству Юань Шикая 21 требование, сгруппированное в пять групп: передача Шаньдуна, уступки во Внутренней Монголии и Маньчжурии; предоставление прав на Ханьпинский угольно-металлургический комбинат, задолжавший японцам; запрет предоставления иностранцам прибрежных концессий без согласия Японии; приглашение японцев в качестве советников и свобода деятельности японских учреждений. После некоторого сопротивления Юань Шикай принял их (Договор от 25 мая 1915 г.).

В августе 1917 г. Китай объявил войну Германии и Австрии, надеясь на возвращение Шаньдуна и отмену неравноправных договоров. В Версальский договор, однако, была включена ст. 156, согласно которой «Германия отказывается в пользу Японии от всех своих прав... которые она приобрела в силу договора, заключенного ею с Китаем 6 марта 1898 г.». Это решение спровоцировало протесты в Пекине (Движение 4 мая), после которых правительство заявило о непризнании Договора.

В 1921–1922 гг. состоялась Вашингтонская конференция об ограничении морских вооружений и проблемах Дальнего Востока и Тихого океана. Заключенный на ней Договор девяти держав гарантировал целостность Китая, закрепил принцип равных возможностей в торговле с ним, запретил использовать внутреннюю ситуацию в нем для получения особых прав и обязал уважать его нейтралитет. Фактически речь шла об ограничении претензий Японии, которая в 1922 г. под давлением США согласилась вернуть Шаньдун в обмен на привилегии для своих граждан. В 1923 г. сенат Китая объявил Договор с Японией от 25 мая 1915 г. недействительным, сославшись на то, что он не был ратифицирован.

18 сентября 1931 г. японские военные инсценировали диверсию на Южно-Маньчжурской железной дороге (ветка КВЖД, соединявшая Харбин и Порт-Артур и пере-

¹ Wang Tiewa. *International Law in China: Historical and Contemporary Perspectives* // *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*. Vol. 221. 1990. P. 346–348.

² «Революция 1911 года не заставила другие страны мира признать Китай современной страной. Следуя логике империализма, Великобритания заглядывалась на китайский Тибет, Россия – на северо-восток Китая и Монголию, а Япония жаждала не только китайский полуостров Шаньдун, но также северо-восток и Монголию. Они предприняли ряд правовых мер, подкрепленных угрозами, включая конференцию в Симле, договор Чукту (*Chuktu Treaty*), „21 статью“ и т. д., чтобы заставить Китай принести в жертву еще больше интересов... Международная система постоянно обманывала доверие Китая и заставляла китайцев чувствовать, что международное право является ненадежным, добавляя к этому множество пассивных и негативных впечатлений» (*Zhipeng He, Lu Sun*. *Op. cit.* P. 114, 120).

данная Японии по Портсмутскому договору) (Мукденский инцидент). Используя это как предлог, Япония оккупировала Маньчжурию, создав марионеточное государство Маньчжоу-Го. Правительство Китая заняло позицию несопротивления¹ и обратилось в Лигу Наций, но проект резолюции Совета Лиги, требовавший вывода войск, был заблокирован Японией. В 1932 г. комиссия Лиги (Комиссия Литтона) установила, что Япония нарушила Устав Лиги, отвергла ее аргументы о самообороне и о несостоятельности Китая как государства и признала Маньчжоу-Го марионеточным режимом. Вместе с тем, стремясь к компромиссу, она признала дефекты китайского управления в Маньчжурии, не назвала Японию агрессором и предложила предоставить Маньчжурии большую степень автономии. В марте 1933 г. Япония покинула Лигу. В Китае она продолжила распространять свое влияние на северные провинции, способствуя их независимости от центральной власти, и захватила ряд новых территорий. В 1935 г. СССР, занявший позицию нейтралитета, продал КВЖД Маньчжоу-Го.

В ответ на японскую агрессию США сформулировали доктрину Стимсона, в соответствии с которой признание не должно предоставляться государствам, образовавшимся в результате агрессии (частный случай действия принципа *ex injuria jus non oritur*)². Эта доктрина была взята на вооружение и китайской дипломатией, благодаря чему постепенно стала обычной нормой.

5. В 1890-х гг. Россия получила в аренду Порт-Артур (Ляодунский полуостров), а также концессию на строительство КВЖД, соединившую Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Финансирование и эксплуатация КВЖД осуществлялись Русско-Китайским банком, а позднее Русско-Азиатским банком. После Октябрьской революции Россия и Китай провели несколько раундов переговоров: Россия стремилась получить признание и установить дипломатические отношения, а Китай – получить права на КВЖД и восстановить контроль над Монголией³. Признание СССР рядом западных держав в 1924 г. ухудшило позиции Китая.

31 мая 1924 г. стороны подписали Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой (КР), в котором договорились восстановить дипломатические отношения, в месячный срок созвать конференцию, на которой заменить предыдущие договоры новыми на основе равенства и справедливости. В ст. 9 стороны закрепили намерение урегулировать на этой конференции вопрос о КВЖД, опираясь на ряд принципов (коммерческий характер деятельности, компетенция администрации КВЖД только в деловых вопросах, возможный выкуп КВЖД правительством КР). В ст. 12 СССР отказался от экстерриториальных прав и консульской юрисдикции. Конференция, предусмотренная Соглашением, состоялась с четырнадцатимесячным опозданием; формальным предлогом, на который сослался советский представитель Л. М. Карахан, было неприбытие советских экспертов и отсутствие инструкций от правительства⁴.

¹ По словам Чан Кайши, Китай должен «справедливостью встречать насилие, миром встречать варварство, без гнева терпеть унижения, временно всему покориться». Цит. по: Чудодеев Ю. В. СССР и Китай накануне и в годы Второй мировой войны // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 2. С. 750.

² См. ноты правительства США от 7 января 1932 г.: «Американское правительство считает своим долгом уведомить Императорское правительство Японии и правительство КР о том, что оно не может признать законность какой-либо ситуации *de facto* и не намерено признавать какой-либо договор или соглашение, заключенные между ними или их представителями, которые могут ущемить договорные права Соединенных Штатов или их граждан в Китае, в том числе те, которые касаются суверенитета, независимости или территориальной и административной целостности КР или международной политики по отношению к Китаю, широко известной как политика открытых дверей; и что оно не намерено признавать какую-либо ситуацию, договор или соглашение, которые могут быть достигнуты средствами, противоречащими условиям и обязательствам Парижского пакта от 27 августа 1928 года...» См.: The Secretary of State to the Consul General at Nanking (Peck). URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1932v03/d10> (дата обращения: 06.02.2025).

³ По словам И. А. Литвиновского, «в итоге возникла своеобразная, нечасто встречающаяся в международной практике ситуация, когда страны, не имеющие между собой официальных дипломатических отношений, имеют на своей территории дипломатических представителей, признавая за ними определенные полномочия» (Литвиновский И. А. Восстановление советско-китайских отношений в 1924 г. // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8 / под ред. А. П. Салькова, О. А. Яновского. Минск: БГУ, 2013. С. 179).

⁴ Об отношениях СССР и Китая в этот период см.: Литвиновский И. А. Указ. соч. С. 174–184; Герасимов Д. И. Советско-китайские отношения в 1919–1924 гг.: формирование дальневосточного узла противоречий // Человеческий капитал. 2022. № 7. С. 11–22.

31 мая 1924 г. было заключено Соглашение о временном управлении КВЖД, возложившее эту функцию на Правление из десяти человек (пять от СССР, пять от КР). Статья V закрепила принцип равного представительства при назначении служащих КВЖД. 20 сентября 1924 г. СССР, однако, подписал секретное соглашение с главой Маньчжурии Чжан Сюэляном, пообещав предоставить ему право назначения китайских членов Правления. В результате СССР приобрел фактический контроль над КВЖД, 67 % служащих которой были его гражданами.

После подавления Кантонского восстания власти КР казнили пятерых сотрудников советского консульства и закрыли советские представительства. В 1928 г. они объявили Соглашение 1924 г. неравноправным, а в 1929 г. арестовали 2 тыс. служащих КВЖД и консульства СССР в Харбине и захватили имущество КВЖД. В ответ СССР арестовал ряд китайских граждан, отозвал дипломатов и остановил железнодорожное сообщение. После этого Китай разорвал дипломатические отношения. Осенью 1929 г. СССР направил части Красной армии в Маньчжурию, заявив, что стремится разгромить милитаристов, а не захватить территорию. Эта стратегия оказалась успешной, и 22 декабря 1929 г. СССР и Китай подписали Хабаровский протокол, восстановивший действие Соглашения 1924 г. и статус КВЖД как совместного предприятия. В ходе операции СССР занял Большой Уссурийский остров, который был возвращен Китаю только в 1991 г.

СССР был также вовлечен в события в Синьцзяне. С 1907 г. этот регион управлялся Ян Цзэнсином, опиравшимся на мусульман-хуэй (дунган). После Октябрьской революции Ян интернировал 30 тыс. белогвардейцев и заключил с Россией торговое соглашение; советские консульства были открыты в Синьцзяне, а китайские, подчинявшиеся Урумчи, – в Семипалатинске, Улан-Уде, Ташкенте и др. В 1928 г. Ян был убит. Новый губернатор Цзинь Шужэнь поощрял иммиграцию ханьцев, продвигал своих соратников и повысил налоги, что привело к Кумульскому восстанию мусульман. После того как он заключил с СССР тайное соглашение о поставках оружия и переброске интернированных в СССР китайцев, Гоминьдан попытался сместить его при помощи дунган (сражение при Урумчи), но в итоге он был смещен служившими под его началом белогвардейцами (1933 г.). Новый губернатор Шэн Шицай при поддержке белогвардейцев и приглашенных советских частей подавил дунган и провозгласил равноправие народов Синьцзяна. В 40-х гг. правительство КР восстановило контроль над этим регионом.

Японо-китайская война и возобновление гражданской войны (1937–1949)

6. В 1937 г. началась вторая японо-китайская война; поводом для нее стал инцидент на мосту Лугоу (Марко Поло) (7 июля). В соответствии с Заключительным протоколом от 7 сентября 1901 г., заключенным после подавления восстания ихэтуаней, Китай согласился на оккупацию западными державами, Россией и Японией 12 пунктов между Пекином и морем. Япония разместила в этих пунктах 7–15 тыс. человек; Гоминьдан удерживал город-крепость Ваньпин (восточный конец моста, по которому проходила железная дорога). Во время учений японских сил пропал один солдат, и японцы потребовали разрешения войти в Ваньпин. Получив отказ, они начали обстрел Ваньпина, но китайцы смогли удержать его. Спустя некоторое время японцы начали полномасштабное наступление и заняли Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и Нанкин. В 1938–1939 гг. были заняты Шаньдун, Ухань, Кантон, Наньчан и Фучжоу. Столкнувшись с сопротивлением китайской армии и мощным партизанским движением, они, однако, были вынуждены перейти к локальным операциям и пропаганде паназиатизма. Вплоть до конца 1941 г. Китай не объявлял войну Японии (как и Япония – Китаю) и не разрывал с ней дипломатических отношений, так как этот шаг позволил бы Японии ввести морскую блокаду, что привело бы к прекращению поставок через нейтральные порты во Вьетнаме и Мьянме¹.

¹ В деле *Kawasaki* (решение Высокого суда Англии от 26 мая 1938 г.) британская компания сдала в аренду японской компании судно *Nailsea Meadow* под условием, что в случае войны с участием Японии контракт будет расторгнут. После нападения Японии на Китай она заявила о расторжении контракта. Японская сторона обратилась в арбитраж, а затем в Высокий суд, ссылаясь на то, что Япония не находится в состоянии войны с Китаем. Суд поддержал британскую компанию. Он описал военные действия и отметил, что на стороне Японии воюют 100 тыс. человек, используются самолеты, танки и артиллерия,

12 декабря 1936 г. генерал Чжан Сюэлян арестовал Чан Кайши и потребовал от него прекратить гражданскую войну и вступить в союз с КПК ради спасения страны (Сианьский инцидент). Чан был вынужден выполнить эти требования, после чего был создан Второй объединенный фронт. Части Национально-революционной армии, сформированные из коммунистов, провели несколько успешных операций («Битва ста полков» и др.). В 1938 г. отношения между КПК и Гоминьданом стали портиться: причинами были стремление КПК установить контроль над партизанским движением, усиление ее военной мощи и неповиновение приказам Гоминьдана. В декабре 1940 г. части Гоминьдана атаковали Новую 4-ю армию (коммунисты) и уничтожили ее. После этого тактика сторон изменилась: помимо сражений с японцами они пытались расширить свои сферы влияния.

7. 7 декабря 1941 г. Япония атаковала американскую базу в Перл-Харборе, а 8 декабря – британский Гонконг; в результате этих событий китайский фронт стал для нее второстепенным, а японо-китайская война стала одним из театров Второй мировой войны. 9 и 10 декабря 1941 г. Китай объявил войну Японии¹, Германии и Италии, указав, что все договоры с этими странами являются недействительными. 26 декабря 1941 г. Китай заключил военный союз с Великобританией и США, а 11 января 1943 г. подписал с этими державами договоры, отменившие консульскую юрисдикцию, концессии, специальные суды, иностранную лоцманскую проводку и др. Позднее похожие договоры были заключены с другими государствами. В 1943 г. Китай, Великобритания и США подписали Каирскую декларацию о целях войны с Японией, а в 1945 г. – Потсдамскую декларацию, предусматривавшие независимость Кореи и возвращение Китаю Тайваня и Маньчжурии.

В 1941–1944 гг. военные действия на территории Китая носили локальный характер, но весной 1944 г. японцы провели крупное наступление, установив контроль над почти всем востоком страны. К 1945 г. Япония, однако, утратила способность к активным действиям; ее армия была разбита западными державами на Тихом океане и СССР в Маньчжурии. В начале августа коммунисты и националисты перешли в наступление, а 14 августа Япония капитулировала.

8. Позиция СССР в японо-китайской войне претерпела несколько трансформаций. На первом этапе (1937–1941) СССР помогал Китаю: предоставлял кредиты, направлял военных советников, поставлял оружие, построил дорогу для их доставки и нефтеперегонный завод в Синьцзяне. В августе 1937 г. был подписан советско-китайский договор о ненападении, а в 1938 и 1939 гг. СССР выступил против Японии в двух пограничных конфликтах². В 1941 г. СССР перестал поддерживать Китай в связи с заклю-

а на стороне Китая – 300 тыс. человек. При заключении контракта стороны должны были использовать термин «война» в том значении, в котором его понимают коммерсанты, и вряд ли вдавались в тонкости международного права.

¹ Заявление о войне с Японией гласит: «Национальная политика Японии всегда была направлена на господство в Азии и овладение Тихим океаном. Более четырех лет Китай решительно противостоял японской агрессии, невзирая на страдания и жертвы, чтобы не только сохранить свою национальную независимость и свободу, но и поддержать международное право и справедливость, а также способствовать миру во всем мире и человеческому счастью. Китай – миролюбивая нация. Взяв в руки оружие для самообороны, Китай питал надежду, что Япония еще может осознать тщетность своих завоевательных планов. На протяжении этой борьбы все другие державы проявляли максимальную терпимость, надеясь, что Япония однажды раскается и изменит свою политику в интересах мира во всем Тихоокеанском регионе. К сожалению, агрессивные склонности Японии оказались неисправимыми. После долгих и бесплодных попыток завоевать Китай Япония, не проявляя никаких признаков раскаяния, вероломно напала на друзей Китая – Соединенные Штаты и Великобританию, тем самым расширив театр своей агрессивной деятельности и превратив себя в заклятого врага справедливости и мира во всем мире. Этот последний акт агрессии со стороны Японии обнажает ее ненасытные амбиции и создает ситуацию, с которой не может мириться ни одна нация, верящая в международную добросовестность и человеческую порядочность. Настоящим правительство Китая официально объявляет войну Японии. Правительство Китая также заявляет, что все договоры, конвенции, соглашения и контракты, касающиеся отношений между Китаем и Японией, являются недействительными». См.: World War II: China's Declaration of War Against Japan, Germany and Italy (December 9, 1941). URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/china-s-declaration-of-war-against-japan-germany-and-italy-december-1941> (дата обращения: 06.02.2025).

² В 1938 г. произошел конфликт у озера Хасан. Советская сторона ссылается на провокации японцев (нарушения границы) и их попытки захватить участки возле границы; японцы – на то, что советские войска в нарушение Пекинского договора 1860 г. заняли несколько высот на маньчжурской территории (соп-

чением с Японией Пакта о нейтралитете (13 апреля 1941 г.), началом Великой Отечественной войны и сближением Китая с США. Летом 1945 г. СССР денонсировал Пакт и разбил Квантунскую армию в Маньчжурии, вернув себе Курильские острова и юг Сахалина, а Китаю – Маньчжурию¹. 14 августа 1945 г. СССР и Китай подписали Договор о дружбе и сотрудничестве.

После войны Китай стал одним из основателей ООН и постоянным членом Совета Безопасности. 10 октября 1945 г. при посредничестве США Гоминьдан и КПК подписали соглашение о переходе к конституционному правлению. Работа Политического консультативного совещания в январе 1946 г., однако, не увенчалась успехом, и в стране возобновилась гражданская война («Война за освобождение»). США поддержали Гоминьдан, а СССР – КПК (он, в частности, отказался передать занятую им Маньчжурию Гоминьдану и передал коммунистам японскую технику в обмен на поставки продовольствия из Маньчжурии). Силы КПК, сосредоточенные на северо-востоке, постепенно заняли центр и юг страны. 1 октября 1949 г. в Пекине была провозглашена КНР², а 7 декабря гоминьдановцы эвакуировались на Тайвань.

Внешняя политика Гоминьдана в этот период была сосредоточена на противостоянии японской агрессии, отмене неравноправных договоров и восстановлении контроля над Тибетом и Монголией. Китайские авторы, анализирующие этот период, обычно отмечают стремление западных держав и СССР использовать Китай в своих целях, сохранение элементов неравноправия, несовершенство международного порядка, вклад Китая в победу союзников во Второй мировой войне³ и вклад китайских дипломатов в строительство нового порядка. При этом они принижают роль Гоминьдана в отмене неравноправных договоров⁴.

Китайская наука международного права

9. В данный период в Китае начала развиваться наука международного права. Правительство приглашало иностранных юристов читать лекции и советовалось с ними (например, в споре с Бельгией), а китайская молодежь получала образование в университетах Европы, Японии и США. Известный ученый Чжоу Вэй (Zhou Wei) получил техническое и юридическое образование во Франции и защитил в Швейцарии диссертацию на тему «Юридическая организация международного сообщества» (1917). Он предложил две модели обеспечения мира: добровольное разоружение и создание наднациональной организации, карающей за незаконное применение силы, отдав предпочтение второй; соответствующая организация должна состоять из парламента, суда и администрации, обеспечивающей исполнение ее решений. Он также подробно рассмотрел вопрос об экономических санкциях (бойкотах). По возвращении в Китай (1918) он занял должность в МИД и начал преподавать в Пекинском

ки Заозерная и Безымянная). Японские силы были разбиты. В 1939 г. произошел более масштабный конфликт. Японцы считали, что граница между Маньчжоу-Го и Монголией проходит по руслу Халхин-Гола, и ссылались на старые карты (сфабрикованные, по мнению советских историков); СССР – что она проходит на 15 км восточнее. Советские войска находились в Монголии на основании Протокола о взаимопомощи 1936 г. Японская армия атаковала советские части, размещенные на восточном берегу, форсировала реку и попыталась закрепиться на западном берегу, но была разгромлена Красной армией, позднее осуществившей контрнаступление. В сентябре 1939 г. было подписано соглашение о прекращении военных действий, а в 1942 г. – соглашение о демаркации.

¹ Чудодеев Ю. В. Указ. соч. С. 750–772; Нетужилов К. Е. Японо-китайская война (1937–1945) в отражении советской периодической печати // Россия в глобальном мире. 2016. № 8. С. 104–112.

² СССР стал первым государством, признавшим КНР (2 декабря). Чжипэн и Лу, однако, напоминают, что советское посольство эвакуировалось вместе с Гоминьданом на Тайвань, в то время как американское осталось в Нанкине (*Zhipeng He, Lu Sun. Op. cit. P. 127*).

³ «Китайский народ родился в страданиях и испытывал недостаток комфорта. Благодаря внутренней солидарности и мужеству, а также активному сотрудничеству с иностранными государствами он противостоял японской агрессии и уничтожил большое количество живой силы японцев. В общем процессе Второй мировой войны Китай не только не погиб, но и возродился в огне, внося выдающийся вклад в победу в мировой антифашистской войне» (*Zhipeng He, Lu Sun. Op. cit. P. 122–123*).

⁴ Ван Тейя завершает обзор этого вопроса следующим пассажем: «Предсмертный звонок по режиму неравноправных договоров прозвучал с основанием КНР». Далее он ссылается на ст. 55 Общей программы Народной политической консультативной конференции от 29 сентября 1949 г., согласно которой правительство КНР должно изучить договоры Гоминьдана с иностранными правительствами и в зависимости от их содержания признать, отменить, пересмотреть или перезаключить их (*Wang Tieya. Op. cit. P. 262*).

университете, но уже в 1919 г. вернулся в Европу в составе китайской делегации на Парижской мирной конференции, а затем делегации при Лиге Наций. В 1921 г. он был избран членом-корреспондентом Института международного права¹.

Цянь Тай (Qian Tai, 1886–1962), также учившийся во Франции и работавший в правительстве, делал акцент на праве на существование (*shengcunquan*); по его мнению, оно стоит выше договоров и обычаев и является источником прав на самосохранение и свободу. Альфред Саоке Сзе (Alfred Sao-ke Sze, 1877–1958) развил эту идею: по его словам, некоторые права присущи государствам в силу суверенитета и основаны на предположении, что государства являются политическими личностями, подобными индивидам. Со времен Канта признано, что человек – конечная цель, а его благо – абсолютное добро; применив эту доктрину к государствам, мы приходим к тому, что ни одна нация не имеет этического или юридического права использовать ресурсы или рынки другого государства для продвижения своих интересов в ущерб благу этого государства. Право на существование есть право государства защищать материальные и культурные интересы своего народа, существенные для поддержания его удовлетворительной жизни. Экстерриториальность и ограничение тарифной автономии посягают на суверенное право Китая использовать его фискальные полномочия для обеспечения процветания его народа; неравноправные договоры, таким образом, лишены этической основы и противоречат праву на существование².

Чжоу Гэншэн (Zhou Gengsheng, 1889–1971) получил образование в Японии, Великобритании и Франции и работал в университетах Пекина и Уханя. В своих ранних работах он констатировал постепенное распространение идеи взаимной помощи (*Qunxing gongji zhi sixiang*), отрицающей борьбу между государствами и являющейся основой интернационализма (*guoji zhuyi*). Лига Наций должна стать ответственной за реализацию этой идеи. Самые сильные государства, опирающиеся на силу, неизбежно терпят поражение, сталкиваясь с коллективной силой международного сообщества. В связи с этим политический реализм, делающий ставку на применение силы, недалек от идеала. Как и Лига Наций, ООН должна проводить политику коллективной безопасности, успех которой зависит от сотрудничества между США и СССР. После создания КНР Чжоу пересмотрел свои взгляды и заявил, что международные организации используются империалистами для вмешательства в дела других государств³.

Веллингтон Ку (Gù Wéijūn, 1888–1985), занимавший должности министра иностранных дел, премьер-министра и президента КР, в своей диссертации, защищенной в Колумбийском университете (1912), утверждал, что права иностранцев, закрепленные в неравноправных договорах, были обеспечены «с помощью меча». Иностранные государства пытаются добиться от Китая односторонних преимуществ, в то время как в отношениях между государствами, как и в отношениях между людьми, должны преобладать взаимная терпимость и уступки. Отсутствие взаимности в связи с этим может быть основанием для прекращения договора. В ходе Парижской конференции Ку сослался на доктрину *rebus sic stantibus*, заявив, что соглашения с Японией были заключены под давлением, носят временный характер и затрагивают военные вопросы, которые следует решить на Конференции. Его доводы, однако, не были услышаны.

Лю Ши Шунь (Liu Shih Shun), первый посол Китая в Канаде, придерживался иной позиции, считая, что неравноправные договоры могут быть аннулированы только по взаимному согласию, а односторонние действия со ссылкой на отсутствие взаимности недопустимы. Прекращение экстерриториальности и восстановление суверенитета – вопрос времени, поскольку доктрина территориального суверенитета стала преобладающей, а китайская правовая система – достаточно зрелой и совместимой со «стандартом цивилизации»⁴.

Среди крупных китайских работ по международному праву следует отметить монографии Нин Севань (Ning Xiewan, *Public Law of All Nations*, 1919) и Тао Юэ (Tao Yue,

¹ Li Chen. A forgotten proponent of a league of nations and his contributions to international law // *Leiden Journal of International Law*. 2022. Vol. 35. № 2. P. 245–263.

² Carrai M. A. Op. cit. P. 114–117.

³ Hiroki Morikawa. In Pursuit of Peace: Zhou Gengsheng's Internationalism after the World Wars // *ZINBUN*. 2017. № 47. P. 177–194.

⁴ Carrai M. A. Op. cit. P. 117–119.

History Theory of Modern International Law, 1943). Кроме того, на китайский язык было переведено несколько работ японских авторов (Shingo Nakamura, Yoshiyuki Imai и др.)¹.

Принцип самоопределения

10. После падения Цин Тибет и Монголия объявили о независимости, а Маньчжурия, Внутренняя Монголия и некоторые другие регионы стали фактически самостоятельными. Правительство КР, однако, претендовало на суверенитет над ними. Статья 3 Временной Конституции 1912 г. гласила: «Территория КР состоит из 22 провинций, Внутренней и Внешней Монголии, Тибета и Цинхая»; ст. 1 Временной Конституции 1931 г.: «Территория КР состоит из различных провинций, Монголии и Тибета» (ст. 80 устанавливала, что система местного управления в Монголии и Тибете будет регулироваться специальным законом с учетом местных условий). Конституция 1947 г. определяла Тибет и Монголию как самоуправляемые регионы в составе Китая. Некоторые карты включали в состав китайской территории Таиланд, Мьянму и Корею.

Китай рассматривал национальное единство и территориальную целостность как критерий государственности и цивилизованности. В начале XX в. начал формироваться принцип самоопределения, который он воспринял с учетом своего исторического опыта. Идеологической основой национальной политики Гоминьдана стал один из трех народных принципов Сунь Ятсена – *миньцзу* (*mínzú zhūyì*, национализм), имевший несколько аспектов. Во-первых, китайский народ должен преодолеть угрозу со стороны империалистических держав и стать независимой нацией; для этого он должен обрести экономическую независимость и военную силу. Во-вторых, основная нация – хань – должна освободиться от власти маньчжуров². В-третьих, хань, монголы, тибетцы, мусульмане (уйгуры) и маньчжуры должны создать единое государство, в котором каждому из этих народов будет предоставлено ограниченное самоуправление («союз пяти народов», символом которого стал пятицветный флаг). В-четвертых, указанный союз предполагает не равенство культур, но постепенную ассимиляцию всех других народов ханьцами. Таким образом, в основе принципа *миньцзу* лежали нарративы, восходящие к идее Тянься.

Чан Кайши писал: «Наша китайская нация (*zhonghua minzu*) была образована путем смешения многочисленных кланов. Эти кланы изначально были ветвями одной расы, распространившейся на восток от Памирского плато... Но движущей силой этого смешения была ассимиляция, а не завоевание. На территории Китая обычаи каждого клана и образ жизни в каждой местности были разными. Тем не менее обычаи каждого клана были объединены, чтобы сформировать национальную культуру Китая, и сочетание образов жизни в каждой местности сделало возможным существование китайской нации. Этот выдающийся факт истории Китая основан на его географии, экономической структуре, требованиях национальной обороны и общей исторической судьбе (*mingyun*) и не является лишь результатом политической необходимости»³.

Принцип *миньцзу* подвергается критике со стороны некоторых западных авторов. Так, по мнению Дж. Милворда, китайской историографии свойственны несколько ключевых нарративов: первый состоит в том, что любой народ, тесно взаимодействующий с Китаем, становится китайцами из-за притяжения китайской культуры (именно этим объясняется мирное увеличение территории Китая); второй – идея преемственности, т. е. сохранения основных ценностей китайской культуры на протяжении всей истории; третий – идея «конфуцианского мира» (отказ от конфронтации и применения силы). Эти нарративы, однако, не подтверждены: Китай осуществлял экспансию и поселенческий колониализм на Тайване с конца XVII в., в Монголии с XIX в., в Синьцзяне и Тибете после 1949 г. Образования, существовавшие на территории

¹ Yuanzhen Ji. The Generation and Development of International Law Ideology in China // Chinese Studies. 2018. № 7. P. 120.

² «Причины национальной революции в том, что мы не желаем, чтобы маньчжуры уничтожали нашу государственность и управляли нами. Мы стремимся свергнуть их правительство и возродить наше национальное государство. Таким образом, мы питаем ненависть не ко всем маньчжурам, а лишь к тем из них, кто чинит вред ханьцам» (Сунь Ятсен. Избранные произведения. М.: Наука, 1985).

³ Chiang Kai-shek. China's Destiny. N. Y.: Roy Publishers, 1947. P. 30, 35.

Китая, отличались друг от друга идеологически, территориально и этнографически и конкурировали друг с другом (образования тангутов, киданей и чжурчженей не были китайскими)¹.

Монголия

II. Внешняя Монголия (Халха), отделенная от Китая пустыней Гоби, признала власть династии Цин в 1691 г. 1 декабря 1911 г. ее князья и ламы объявили о независимости, сославшись на падение династии. Россия, заинтересованная в ресурсах Монголии и создании на ее территории буферного государства, поддержала стремление Монголии к независимости, одновременно пытаясь не допустить ухудшения отношений с Китаем. 21 октября 1912 г. Россия заключила с Монголией *Соглашение о дружбе*, в котором обязалась оказывать ей «помощь к тому, чтобы она сохранила установленный ею автономный строй, а также право содержать свое национальное войско, не допуская на свою территорию китайских войск и колонизации своих земель китайцами»; Монголия, со своей стороны, предоставила России ряд преимуществ. В русскоязычной версии Соглашения использовался термин «Монголия», а в монгольской – «государство Монголия» (*Монгол улс*). Китайские власти не признали Соглашение, а общественность обвинила Россию в агрессии. 8 апреля 1912 г. Юань Шикай отменил вассальный статус Монголии, Тибета и Восточного Туркестана и приравнял их к провинциям. Российско-китайская *Декларация* от 23 октября 1913 г. подтвердила *сюзеренитет* Китая и *автономию* Внешней Монголии; Китай обязался не вмешиваться в ее внутреннее управление, не содержать в ней гражданских и военных властей и не колонизировать ее (разрешалось лишь направление амбана). Эта Декларация не была признана Монголией. Трехсторонний *Кяхтинский договор* от 25 мая 1915 г. признал сюзеренитет Китая и автономию Монголии в составе Китая; Монголия не имела права заключать международные договоры по политическим и территориальным вопросам, но имела право заключать торговые соглашения².

Российская доктрина склонна преувеличивать значение этих актов, особенно Соглашения 1912 г. Так, по мнению Б. Э. Нольде, при сюзеренитете «между политическими единицами устанавливается гораздо более поверхностная связь, чем та, которую выражают подлинным понятием власти – суверенитетом»; вне определенных в договоре полномочий сюзерена вассал пользуется полной автономией. Права Китая как сюзерена сводились к участию во внешних сношениях Монголии, инвеституре монгольского хутухты и содержанию в Урге особого сановника, выполняющего церемониальные функции; как итог – полная независимость Монголии во внутренних делах и свобода внешних сношений в вопросах торговли. Таким образом, в силу договоров 1912–1915 гг. Внешняя Монголия представляла собою государство под сюзеренитетом Китая и под протекторатом России³.

Схожую позицию занимает С. Л. Кузьмин, дополнительно опирающийся на принцип самоопределения. По его мнению, монголы не считали свою страну частью Китая, но рассматривали себя как подданных Цин. Статус Монголии отличался от статуса цинских провинций и предполагал не прямое управление, а сюзеренитет; посягательство на традиционный образ жизни и колонизация Монголии китайцами не допускались. Во второй половине XIX в. из страха перед экспансией великих держав цинские власти начали заселять и китаизировать Маньчжурию, Монголию и Тибет. Реакцией на это стало национально-освободительное движение в Монголии и провозглашение ею независимости. Китайская республика не может считаться преемником Цин, поскольку она «отбросила в основном те черты, которые отличали империю Цин от Китая, в том числе разные формы легитимации центральной власти для разных народов и запрет китайской колонизации монгольских и тибетских земель»; кроме того, монголы и тибетцы были отстранены от процесса государственного стро-

¹ Millward J. A. Sinicisation, the Tribute System and Dynasties: Three Concepts to Justify Colonialism and Attack non-Sinitic Diversity in the People's Republic of China // IAI Papers 23 | 17 – July 2023. См. также: *Perdue P. C. The Tenacious Tributary System // Journal of Contemporary China*. 2015. Vol. 24. № 96. P. 1002–1014.

² Тексты договоров и их анализ см.: Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 1.

³ Нольде Б. Э. Международное положение Монголии // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 1. С. 190–196.

ительства. Несмотря на упоминание сюзеренитета Китая, Внешняя Монголия была государством и субъектом международного права¹.

12. В 1918 г. Китай ввел в Монголию войска и в 1919 г. ликвидировал ее автономию. В 1920 г. в Монголию вошла дивизия барона Унгерна, которая выбила китайские силы из Урги (Улан-Батора), позволив Монголии вновь обрести независимость (февраль 1921 г.). В это же время в Иркутске было создано Временное революционное правительство Монголии, которое обратилось к России с просьбой об интервенции; летом 1921 г. части Красной армии вошли в Ургу, где была провозглашена власть Народного правительства. 5 ноября 1921 г. Россия и Монголия заключили *Соглашение о дружбе*, в котором признали единственно законными их существующие правительства, обязались не допускать на своей территории деятельность враждебных организаций, обмениваться представителями и консулами, определить границу и др. В ст. 5 *Советско-Китайского соглашения 1924 г.* СССР, однако, признал, что Внешняя Монголия является составной частью КР и находится под ее *суверенитетом*. Вопрос о выводе вооруженных сил СССР из Внешней Монголии должен был быть решен на конференции, которая была созвана с опозданием. За это время СССР поставил Монголию под свой контроль, в связи с чем монгольский вопрос на конференции даже не обсуждался. Вплоть до конца Второй мировой войны Монголия, однако, была признана только СССР².

В 1945 г. Китай согласился признать независимость Монголии после проведения на ее территории плебисцита. На плебисците, состоявшемся в том же году, 100 % участников проголосовали за независимость. Зимой 1946 г. КР признала Монголию и установила с ней дипломатические отношения (КНР – 6 октября 1949 г.).

Тибет

13. В конце XIX в. усилилось влияние России в соседних с Тибетом районах, и Далай-лама вступил с ней в переговоры о протекторате, используя в качестве посредника ламу Агвана Дорджиева, бурята по национальности. Кроме того, тибетцы мешали торговле Великобритании с ее протекторатом Сикким. Обеспокоенная всем этим Великобритания в 1903–1904 гг. вторглась в Тибет и добилась заключения мирного договора, в соответствии с которым тибетцы признали англо-китайское соглашение о границе между Сиккимом и Тибетом 1890 г., обязались не принимать без ее согласия представителей других держав, выплатить ей контрибуцию и др. Договор между Великобританией и Китаем о Тибете 1906 г. подтвердил китайский *сюзеренитет*; британцы обязались не аннексировать Тибет и не вмешиваться в его управление, а Китай – не позволять другим государствам вмешиваться в дела Тибета. В соответствии с англо-русским соглашением 1907 г. стороны признали сюзеренитет Китая над Тибетом и обязались не вступать с последним в переговоры кроме как через китайское правительство³. В 1910 г. Тибет был оккупирован войсками Цин; Далай-лама бежал в Индию. После падения династии он вернулся и объявил о независимости Тибета, заявив, что отношения между Тибетом и Китаем основывались на личных связях (январь 1913 г.)⁴. После этого из Тибета были удалены китайские войска и наместник. В 1913 г. Тибет и Монголия подписали договор о дружбе и союзе⁵.

¹ Кузьмин С. Л. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. и международно-правовой статус Монголии // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 1. С. 11–35; *Его же*. Международная реакция на Русско-Монгольское соглашение 1912 г. // Там же. С. 69–91; Батсайхан О. Монголо-русский договор 1912 г. является началом дипломатических отношений двух стран // Мөнгө, санхүү, баялаг. Сэтгүүл 2021. № 26. С. 32–46.

² Литвиновский И. А. Указ. соч. С. 175–176.

³ Данные договоры см.: *Treaties & Conventions Relating to Tibet*. URL: <https://www.tibetjustice.org/materials/treaties> (дата обращения: 06.02.2025).

⁴ Декларация гласит: «Я, Далай-лама, всеведущий обладатель буддийской веры... говорю вам следующее... Во времена Чингисхана и Алтан-хана у монголов, династии Мин у китайцев и династии Цин у маньчжуров Тибет и Китай сотрудничали на основе отношений патрона и наставника. Несколько лет назад китайские власти в Сычуани и Юннани попытались колонизировать нашу территорию... Тем временем маньчжурская империя рухнула. Тибетцы воодушевились, чтобы изгнать китайцев из центрального Тибета... Теперь китайское намерение колонизировать Тибет в рамках отношений патрона и духовника померкло, как радуга на небе... Мы – маленькая, религиозная и независимая страна. Чтобы не отставать от остального мира, мы должны защищать свою страну...» См.: *Proclamation issued His Holiness the 13th Dalai Lama in 1913*. URL: <https://thus.org/tibetan-declaration-of-independence> (дата обращения: 06.02.2025).

⁵ В Договоре указывалось, что Монголия и Тибет, «освободившись от династии маньчжуров и отделившись от Китая, образовали независимые государства» и «оба государства испокон веков испове-

Великобритания полагала, что сюзеренитет Китая над Тибетом не предполагает его права вмешиваться во внутреннее управление последним. В ответ Китай ссылался на ст. 2 Договора 1906 г. и утверждал, что термин «сюзеренитет» никогда им не использовался. Для разрешения этой коллизии была созвана конференция в Симле (Индия, 1913–1914), в которой приняли участие представители Великобритании, Тибета и Китая. Великобритания настаивала на сюзеренитете Китая, предполагавшем лишь право контроля внешних сношений Тибета. Тибет настаивал на признании его независимости, денонсации Конвенции 1906 г., расширении его территории и др. Китайское правительство предлагало признать Тибет частью Китая, обещало не превращать его в провинцию и требовало контроля над его международными и военными делами¹. При обсуждении границы тибетский представитель ссылался на осуществление налоговой и административной юрисдикции, а Китай – на эффективную оккупацию отдельных районов отрядами амбана Тибета генерала Чжао Эрфэна в 1906–1911 гг.

Британский губернатор Мак-Магон предложил сначала решить вопрос о границе между Китаем и Тибетом и только после этого перейти к политическим вопросам. По аналогии с Монголией он предложил разделить Тибет на Внутренний, под юрисдикцией Китая, и Внешний, пользующийся автономией под управлением Далай-ламы (при этом он ссылался на исторические данные, свидетельствующие о степени интенсивности китайского контроля). Он также провел границу между Тибетом и Индией (линия Мак-Магона); она обсуждалась делегатами Великобритании и Тибета в отсутствие китайского представителя. Проект конвенции был парафирован китайским представителем, но китайское правительство не одобрило указанную в нем границу между Внутренним Тибетом и Внешним Тибетом и отвергло конвенцию в целом (в том числе индо-тибетскую границу). После этого делегаты Великобритании и Тибета подписали конвенцию как двустороннюю, оставив для Китая возможность присоединиться к ней позднее. Конвенция исходила из того, что Тибет остается частью Китая: «Правительства Великобритании и Китая, признавая, что Тибет находится под сюзеренитетом Китая, и признавая автономию Внешнего Тибета, обязуются уважать территориальную целостность страны и воздерживаться от вмешательства в управление Внешним Тибетом (включая выборы и введение в должность Далай-ламы), которое должно оставаться в руках тибетского правительства Лхасы. Правительство Китая обязуется не превращать Тибет в китайскую провинцию. Правительство Великобритании обязуется не аннексировать Тибет или какую-либо часть его»².

14. После революции центральное правительство пыталось подтвердить свою власть над Тибетом. В 1934 г. представитель Гоминьдана Хуан Мусун прибыл в Тибет, чтобы выразить соболезнования в связи с кончиной Далай-ламы XIII; во время встречи с тибетцами он выполнил церемонии, символизирующие китайское владение Тибетом, и озвучил позицию Китая (суверенитет с правом автономии). Тибетские власти согласились пойти на уступки, в частности консультироваться с Китаем во время военных вторжений при сохранении независимости во внутренних делах, гражданском и военном управлении. Другими проявлениями признания Тибетом власти Китая стали прокитайская деятельность Панчен-ламы IX, участие китайских должностных лиц в назначении и интронизации Далай-ламы XIV (1939–1940), контакты Министерства КР по делам Монголии и Тибета с тибетскими властями и др. Тем не менее Тибет использовал свою валюту, взимал таможенные пошлины, выдавал паспорта и имел свою армию. Одновременно в нем усиливалось влияние Великобритании.

В 1950 г. Тибет был занят частями НОАК. Незадолго до этого тибетские власти обратились к Великобритании, Индии, Непалу и США с просьбой содействовать вступлению Тибета в ООН, в рассмотрении которой им было отказано (Великобритания утратила интерес к Тибету после приобретения Индией независимости). 23 мая 1951 г. было подписано Соглашение между центральным правительством и тибетским пра-

дуют одну религию». Стороны признали друг друга и своих правителей, закрепили обязательства «совместно работать для благополучия буддийской веры», «оказывать друг другу помощь против внешних и внутренних опасностей», «вести взаимную торговлю и открывать промышленные предприятия». См.: Treaty of Friendship and Alliance Between the Government of Mongolia and Tibet (1913) [397]. URL: <https://www.tibetjustice.org/materials/treaties/treaties14.html> (дата обращения: 06.02.2025).

¹ Carrai M. A. Op. cit. P. 129–131.

² Кузьмин С. Л. Международная реакция... С. 85.

вительством по мирному освобождению Тибета (Соглашение из 17 пунктов), согласно которому «Тибет вернется в великую семью народов Родины – КНР», а его народ получит право пользоваться самоуправлением под руководством центрального правительства¹.

Китай воспринимал проблему Тибета как еще одно ограничение его суверенитета Западом; ее решение, соответственно, было необходимо для обретения им полной субъектности. Россия и Великобритания заняли двойственную позицию: с одной стороны, они поддерживали стремление Тибета к независимости, с другой стороны, признавали сюзеренитет Китая².

15. Ряд западных авторов полагают, что Тибет никогда не принадлежал Китаю и не должен ему принадлежать. Их аргументы состоят в следующем. Во-первых, отношения между Тибетом и Китаем основывались на принципе чой-йон (*Chö-Yön*), согласно которому тибетские ламы выступали духовными наставниками монгольских ханов и императоров, а те, в свою очередь, принимали их под покровительство и оказывали им военную помощь. Эти отношения предполагают не неравенство, а симбиоз ламы и мирского последователя, личную связь двух глав государств. Власть монгольских и маньчжурских правителей над Тибетом не была властью Китая, который сам был лишь одним из их владений. КНР в связи с этим не может претендовать на Тибет по праву преемства. Во-вторых, в период с 1912 по 1950 г. Тибет был независимым государством *de facto*; незначительные проявления китайской власти не должны учитываться; вторжение Китая в 1950 г. представляет собой акт агрессии, за которым последовала незаконная оккупация. В-третьих, Китай нарушает право тибетцев на самоопределение: проводит активную переселенческую политику, эксплуатирует ресурсы Тибета, нарушает права человека, в том числе право на свободу вероисповедания. Тибет в связи с этим имеет право на сецессию. В-четвертых, Соглашение из 17 пунктов было заключено под угрозой применения силы, тибетские делегаты превысили полномочия, впоследствии оно было нарушено китайскими властями. Таким образом, легитимным правительством Тибета является правительство в изгнании (Дхарамсала, Индия)³.

По мнению Р. Слоана, в 1950 г. Тибет был суверенным государством. Он мог сформироваться как современное государство, но его элиты предпочли не замечать того, что происходит вокруг, чтобы сохранить доминирование. В результате он не смог оказать сопротивления Китаю. Другая причина – его изолированное положение и неосведомленность о его проблемах международного сообщества, внимание которого в 1950 г. было приковано к другим местам, особенно к Корее. Сегодня ни одно государство не может игнорировать мощь Китая и не заинтересовано в том, чтобы поднимать вопрос о Тибете. Но с правовой точки зрения Тибет остается суверенным государством, а фикция, согласно которой он является частью Китая, лишь придает моральный авторитет его продолжающейся колонизации. Таким образом, тибетский народ имеет право на самоопределение, тем более что в отличие от населения дру-

¹ Соглашение между Центральным Народным правительством и местным тибетским правительством о мероприятиях по мирному освобождению Тибета. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/248118.htm> (дата обращения: 06.02.2025).

² В 2008 г. Великобритания изменила свою позицию: «Наше признание „особого положения“ Китая в Тибете основывалось на устаревшей концепции сюзеренитета. Некоторые использовали это, чтобы... заявить, что мы отрицаем суверенитет Китая над значительной частью его собственной территории. Мы ясно и публично дали понять китайскому правительству, что не поддерживаем независимость Тибета. Как и все остальные страны-члены ЕС и Соединенные Штаты, мы рассматриваем Тибет как часть КНР. Мы заинтересованы в долгосрочной стабильности, которая может быть достигнута только путем соблюдения прав человека и предоставления тибетцам большей автономии». Заявление министра иностранных дел от 29 октября 2008 г. см.: URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/2008-10-29/debates/08102940000010/Tibet> (дата обращения: 06.02.2025).

³ *Van Walt van Praag M.* The Status of Tibet: History, Rights and Prospects in International Law. Boulder, Colo.: Westview Press, 1987; *Watson S.* Self-determination and the International Legal Order: the Tibetan Experience // *James Cook University Law Review*. 1997. Vol. 4. P. 89–102; *Bruce A.* Tibet and International Law // *One World – Many Paths to Peace*. Canberra: ANU eView, 2009. P. 152–155; *Clark R. M.* China's Unlawful Control Over Tibet: The Tibetan People's Entitlement to Self-Determination // *Indiana International & Comparative Law Review*. 2002. Vol. 12. № 2. P. 293–328; *Dulaney A. G., Cusack D. M., van Walt van Praag M.* The Case Concerning Tibet: Tibet's Sovereignty and the Tibetan People's Right to Self-determination. New Delhi: Tibetan Parliamentary and Policy Research Centre, 1998.

гих бывших колоний он обладает отчетливо выраженной идентичностью, основанной на религиозных, языковых, расовых, культурных, исторических и политических связях¹.

16. Официальная китайская позиция состоит в том, что Тибет находился в составе единого государства начиная с династии Юань (XIII в.), объединившей под своей властью все народы, проживавшие на территории Китая, и создавшей специальные органы для управления Тибетом. При династии Мин китайское правительство жаловало тибетским лидерам титулы, передача которых по наследству требовала утверждения императора, и привлекало местных чиновников к ответственности за злоупотребления. При династии Цин центральное правительство давало санкцию на возведение в сан высших лам и назначение чиновников; в 1727 г. оно учредило должность амбаня (резидента), отвечавшего за внешние сношения, торговлю и охрану границ. После 1911 г. правительство КР продолжило управлять Тибетом и учредило для этого ряд органов. После победы КПК Тибет был «освобожден». Правительство КНР упразднило крепостной строй, гарантировало личную свободу, политические и социальные права и заботится о развитии экономики Тибета и улучшении жизни его народа².

По мнению Ван Чэньюя, в XIII в. Тибет стал членом трибутарной системы. Отношения «патрон – наставник» между императором и ламой не могли быть сугубо религиозными и личными, поскольку они были политическими фигурами. Их отношения также были политическими и основанными на неравенстве: в религиозном плане император мог считать ламу своим учителем, но в политическом плане лама не мог считаться равней императору. В 1793 г. Цяньлун издал «29 положений для лучшего управления Тибетом», существенно увеличив полномочия амбаня; в результате Тибет приобрел статус внутреннего данника и перестал быть независимым. Политика Великобритании в начале XX в. подорвала суверенитет Китая над Тибетом, но не изменила статус данного региона. «Сюзеренитет» предполагает деление суверенитета на внешние и внутренние аспекты: за первые отвечает сюзерен, за вторые – вассал, который не имеет собственного положения в семье наций. Данная концепция не применима к Тибету, так как уже в конце XVIII в. династия Цин стала управлять внутренними делами Тибета (т. е. осуществлять суверенитет). Провозглашение Тибетом независимости не имело правовых последствий, так как он не был признан большинством государств; кроме того, его декларация независимости не отражает явного намерения отделиться. Фактически в 1912–1951 гг. Тибет был режимом *de facto*, осуществлявшим эффективный контроль над территорией, которая юридически принадлежала метрополии. Правительство Тибета представляло собой повстанческое формирование, обладавшее субъектностью по праву вооруженных конфликтов, но не имевшее полномочий за пределами этой сферы; оно, в частности, не могло согласовывать границу на конференции в Симле³.

Квалификация вопроса о Тибете затруднена не только в силу политических причин. Другая проблема состоит в том, что отношения между центральным правительством Китая и тибетскими властями в первой половине XX в. и ранее, возможно, не являются ни отношениями суверенитета, ни отношениями независимости – речь идет об особой форме взаимодействия, которая не может быть четко описана при помощи категорий западного международного права. Р. Слоан справедливо отмечает: «Утверждение о том, что Тибет считался независимым государством в 1950 г., не означает, что Тибет всегда был независимым государством; однако это не подтверждает и того, что Тибет всегда был частью Китая. На самом деле, обе стороны спора в значительной степени страдают от категоричной ошибки. Современная западная концепция национального государства с четкими границами и единым централизованным правительством, вероятно, не может быть применена к Китаю и Тибету до XX в.»⁴ Любая квалификация в связи с этим носит приблизительный характер, что едва

¹ Sloane R. D. The Changing Face of Recognition in International Law: A Case Study of Tibet // Emory International Law Review. 2002. Vol. 16. P. 107–186.

² Официальную позицию КНР см.: Кому принадлежит суверенитет над Тибетом и как в Тибете обстоит дело с правами человека (Белая книга). URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zt/ce_ceml_chn/zfbps/199209/t19920925_878916.html (дата обращения: 06.02.2025).

³ Wang Chenyu. The Status of Tibet in International Law – From the 1840s to the 1950s. Utrecht: Universiteit Utrecht, 2021. P. 177–195.

⁴ Sloane R. D. Op. cit. P. 131.

ли уместно при рассмотрении важных политических вопросов. Выходом из ситуации может стать *презумпция в пользу сложившегося status quo*, презумпция, которая отвечает интересам центрального правительства, но не исключает применения других инструментов, защищающих интересы тибетцев, прежде всего права на самоопределение¹.

Заключение

1. В первой половине XX в. Китай решил сразу четыре задачи. Во-первых, он преодолел зависимость от иностранных государств: вернул себе захваченные (арендованные) ими территории и добился прекращения неравноправных договоров и отмены экстерриториальной юрисдикции. Из полуколониальной, «нецивилизованной» страны он сумел превратиться в полноправного члена международного сообщества. Во-вторых, он отказался от феодально-монархической системы, функционировавшей на основе принципа Тянься, в пользу республики, опирающейся на демократическую идеологию. Иными словами, он облекся в форму современного суверенного государства (государства Нового времени). Несмотря на то что это государство сохраняет элементы традиционной культуры, оно является устойчивым и эффективным. В-третьих, он преодолел региональную раздробленность и национальный сепаратизм, усилившиеся в первые годы после революции, избежав таким образом угрозы распада. В-четвертых, он разрешил накопившиеся классовые противоречия: в нем сформировалось однородное гражданское общество, в рамках которого был оформлен общественный договор. Решение этих задач – заслуга *нескольких* режимов, политических партий и поколений политиков, конкурировавших друг с другом. Все они, однако, были решены самим Китаем, без помощи иностранных держав – в этом смысле китайский опыт выглядит уникальным².

2. Современный Китай был создан как *ответ* на вызовы, вставшие перед китайским народом. Его *форма правления* с акцентом на коллективное принятие решений представляет собой своеобразный баланс между единоличной властью, показавшей свою неэффективность в эпоху Цин и во время правления Юань Шикая, и западным парламентаризмом. Его *централизованное устройство*, нетипичное для столь большого государства, является реакцией на раздробленность и междоусобные войны эпохи милитаристов и одновременно гарантией сохранения в составе страны регионов с неханьским населением. Наконец, его *политический режим*, сохраняющий некоторые традиционные черты (иерархичность и закрытость, экзаменационную и контрольную ветви власти, акцент на обязанностях гражданина), основан на коммунистической идеологии, выступающей инструментом сплочения нации и легитимации правительства. Победа КПК во многом связана с тем, что эта идеология была адаптирована к *потребностям и культуре* Китая, а лидеры КПК сумели выдвинуть более привлекательную повестку, чем Гоминьдан, и использовать более эффективные инструменты консолидации нации и построения государства (антиимпериализм, опора на крестьянство, партийная дисциплина, контроль над интеллигенцией и др.)³.

¹ В 1987 г. Далай-лама выдвинул план, предполагающий широкую автономию Тибета в составе КНР, который был поддержан Правительством Тибета в изгнании и в настоящее время используется тибетцами в качестве *основной стратегии*. См.: Herzer E. Self-governance through an autonomous arrangement. New Delhi: Tibetan Parliamentary and Policy Research Centre, 2002; Hari Har Jnawali. Tibet's response to state nationalism: Utilising China's fear of secession // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2023. Vol. 23. № 2. P. 158–177.

² «По сравнению с революцией в России китайская революция была гораздо более сложным процессом спасения целой цивилизации, находящейся под угрозой исчезновения, от внешних посягательств со стороны могущественных национальных государств и внутреннего политического и социального разложения. Китайские интеллектуалы конца XIX – начала XX века, в том числе интеллектуальные основатели КПК, стремились создать новую основу для китайской цивилизации... Установление национальной идентичности и единства через сопротивление империализму, что включало в себя искоренение внутренних слабостей, таких как военное правление (*warlordism*) и политическая отсталость, было необходимой предпосылкой для продолжения существования Китая как отдельной культурной единицы в международном порядке» (Hoffheimer D. J. China and the International Legal Order: An Historical Introduction // Case Western Reserve Journal of International Law. 1979. Vol. 11. P. 254).

³ Дж. Фэрбэнк и М. Голдман перечисляют следующие слабости Гоминьдана: стремление заручиться поддержкой Запада; примирительная позиция по отношению к Японии; акцент на сборе таможенных пошлин, а не налогов; плохой контакт с крестьянами и студенчеством; нежелание проводить аграрную

3. Во внешней политике китайские правительства первой половины XX в. преследовали несколько целей: 1) отмена неравноправных договоров; 2) восстановление территориальной целостности; 3) защита от агрессии со стороны Японии; 4) приобретение надежных союзников. *Первая* цель была в основном достигнута; большую роль в этом сыграли аргументы, разработанные китайскими юристами и дипломатами. *Вторая* цель была достигнута лишь частично: правительство восстановило контроль над всеми провинциями, но не смогло помешать отделению Монголии и фактической независимости Тибета. *Третья* цель достигнута не была: обращения Китая за помощью к Лиге Наций и иностранным государствам не принесли результата; победа над Японией была одержана в основном силами самого Китая (СССР и США вмешались в конфликт лишь на финальной стадии). *Четвертая* цель также не была достигнута: отношения Китая с другими странами определялись не долгосрочной стратегией и договоренностями, а политической конъюнктурой. Это можно объяснить несколькими причинами: западные державы были вовлечены в большую войну и по-прежнему относились к Китаю как к недостаточно цивилизованной стране, а Тихоокеанский регион оставался на периферии мировой политики. Большую роль в изоляции Китая, однако, сыграла и его сосредоточенность на внутренних проблемах, непонимание им особенностей европейской политики и отсутствие идеологической платформы для сближения с другими странами.

4. Опыт первой половины XX в. определил и внешнеполитические стратегии Китая. Во-первых, поскольку обращение в Лигу за защитой от Японии не принесло результата, Китай осознал необходимость полагаться только на себя и в дальнейшем дистанцировался от активного участия в деятельности международных организаций. Во-вторых, он был вынужден совместить ценностные и морализаторские подходы с *Realpolitik*, допустив возможность использования силы («винтовка рождает власть»). В-третьих, он взял на вооружение принципы западного права, гарантировавшие его выживание в рамках новой для него системы (суверенитета, территориальной целостности, добровольной юрисдикции судов и др.), и, наоборот, отверг те из них, которые угрожали этому выживанию (самоопределения, прав человека и др.). В-четвертых, отношение Китая к международному праву стало *инструментальным*, что в позитивной коннотации можно определить как гибкость подходов, а в негативной – как практику двойных стандартов. Наконец, в-пятых, Китай выработал собственную дипломатическую культуру, характерными чертами которой являются морализаторство и резкость оценок, осмотрительность и постепенность, акцент на развитии дружественных связей (гуаньси, *guanxi*), а не на создании обязательств (по сути, речь идет об адаптированном конфуцианстве).

5. Трансформация Китая не только разрешила ряд проблем, но и создала новые. *Первой* из них является проблема развития неханьских народов: современному Китаю присуща гораздо большая степень унификации и централизации, чем Китаю эпохи Цин, что неизбежно вызывает сопротивление, перерастающее в сепаратизм¹. *Вторая* проблема свойственна любому государству Нового времени и состоит в отчуждении населения от политической жизни и дефиците политической коммуникации; в современном Китае, где традиционная кастовость элит сочетается с монополией одной идеологии, эта проблема может принимать крайние формы. *Третья* проблема – культурный изоляционизм, в результате которого Китай по-прежнему не способен вести полноценный диалог с другими государствами и формулировать универсальные смыслы. Речь идет не об эгоизме или высокомерии, а скорее о неспособности построить перспективу. Любая проблема воспринимается Китаем через призму его собственного опыта; как результат, все, что Китай может предложить, – это повторение данного опыта, который в силу своей уникальности едва ли может быть востребован другими. *Четвертая* проблема состоит в том, что Китай так и не смог реципи-

реформу; отсутствие партийной дисциплины и попытки использовать старую бюрократию, милитаристов и гангстеров; коррумпированность и плохое управление (Fairbank J. K., Goldman M. China: a New History. Harvard: Belknap Press, 2006. P. 289–293, 331–334, 316–321).

¹ «[Коммунистическая] революция, которая принесла китайскому народу нечто вроде самоопределения, определила его колониально-империалистическое отношение к соседним народам Тибета, Синцзяна (Восточного Туркестана) и Монголии» (Fairbank J. K. The great Chinese revolution, 1800–1985. N. Y.: Harper and Row Publishers, 1986. P. 10).

ровать идею права во всей ее полноте – как по причине ее культурной чуждости, так и под впечатлением от неравноправных договоров. В итоге его вклад в формирование мирового порядка ограничивается разработкой ценностей и стратегий (но не норм). Наконец, *пятая* проблема состоит в том, что сложившаяся конфигурация власти и необходимость участия в глобальном мировом порядке, возможно, отдаляют Китай от того патриархального, религиозного и интеллектуального общества, образ которого запечатлен в китайской культуре.

Список литературы

Батсайхан О. Монголо-русский договор 1912 г. является началом дипломатических отношений двух стран // Мөнгө, санхүү, баялаг. Сэтгүүл 2021. № 26. С. 32–46.

Герасимов Д. И. Советско-китайские отношения в 1919–1924 гг.: формирование дальневосточного узла противоречий // Человеческий капитал. 2022. № 7. С. 11–22.

Кузьмин С. Л. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. и международно-правовой статус Монголии // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 1. С. 11–35.

Кузьмин С. Л. Международная реакция на Русско-Монгольское соглашение 1912 г. // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 1. С. 69–91.

Литвиновский И. А. Восстановление советско-китайских отношений в 1924 г. // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 8 / под ред. А. П. Салькова, О. А. Яновского. Минск: БГУ, 2013. С. 174–184.

Нетужилов К. Е. Японо-китайская война (1937–1945) в отражении советской периодической печати // Россия в глобальном мире. 2016. № 8. С. 104–112.

Нольде Б. Э. Международное положение Монголии // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 1. С. 178–196.

Сунь Ятсен. Избранные произведения. М.: Наука, 1985. 780 с.

Чудодеев Ю. В. СССР и Китай накануне и в годы Второй мировой войны // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 2. С. 750–772.

Bruce A. Tibet and International Law // One World – Many Paths to Peace. Canberra: ANU eView, 2009. P. 139–160.

Carrai M. A. Sovereignty in China. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 274 p.

Chiang Kai-shek. China's Destiny. N. Y.: Roy Publishers, 1947. 347 p.

Clark R. M. China's Unlawful Control Over Tibet: The Tibetan People's Entitlement to Self-Determination // Indiana International & Comparative Law Review. 2002. Vol. 12. № 2. P. 293–328.

Dulaney A. G., Cusack D. M., van Walt van Praag M. The Case Concerning Tibet: Tibet's Sovereignty and the Tibetan People's Right to Self-determination. New Delhi: Tibetan Parliamentary and Policy Research Centre, 1998. 114 p.

Fairbank J. K. The great Chinese revolution, 1800–1985. N. Y.: Harper and Row Publishers, 1986. 396 p.

Fairbank J. K., Goldman M. China: a New History. Harvard: Belknap Press, 2006. 560 p.

Hari Har Jnawali. Tibet's response to state nationalism: Utilising China's fear of secession // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2023. Vol. 23. № 2. P. 158–177.

Herzer E. Self-governance through an autonomous arrangement. New Delhi: Tibetan Parliamentary and Policy Research Centre, 2002. 28 p.

Hiroki Morikawa. In Pursuit of Peace: Zhou Gengsheng's Internationalism after the World Wars // ZINBUN. 2017. № 47. P. 177–194.

Hoffheimer D. J. China and the International Legal Order: An Historical Introduction // Case Western Reserve Journal of International Law. 1979. Vol. 11. P. 251–266.

Li Chen. A forgotten proponent of a league of nations and his contributions to international law // Leiden Journal of International Law. 2022. Vol. 35. № 2. P. 245–263.

Millward J. A. Sinicisation, the Tribute System and Dynasties: Three Concepts to Justify Colonialism and Attack non-Sinitic Diversity in the People's Republic of China // IAI Papers 23 | 17 – July 2023. 18 p.

Perdue P. C. The Tenacious Tributary System // Journal of Contemporary China. 2015. Vol. 24. № 96. P. 1002–1014.

Sloane R. D. The Changing Face of Recognition in International Law: A Case Study of Tibet // Emory International Law Review. 2002. Vol. 16. P. 107–186.

Van Walt van Praag M. The Status of Tibet: History, Rights and Prospects in International Law. Boulder, Colo.: Westview Press. 381 p.

Wang Chenyu. The Status of Tibet in International Law – From the 1840s to the 1950s. Utrecht: Universiteit Utrecht, 2021. 244 p.

Wang Tieya. International Law in China: Historical and Contemporary Perspectives // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 221. 1990. P. 199–369.

Watson S. Self-determination and the International Legal Order: the Tibetan Experience // James Cook University Law Review. 1997. Vol. 4. P. 89–102.

Yuanzhen Ji. The Generation and Development of International Law Ideology in China // *Chinese Studies*. 2018. № 7. P. 114–123.

Shipeng He, Lu Sun. *A Chinese Theory of International Law*. Singapore: Springer, 2020. 248 p.

References

Batsaikhan O. (2021) Mongolo-russkii dogovor 1912 g. yavlyaetsya nachalom diplomaticheskikh otnoshenii dvukh stran [Mongol-Russian treaty of 1912 is the beginning of diplomatic relations between the two countries]. In *Møngø, sanhyy, bajalag. Sjetgyyl*, no. 26, pp. 32–46.

Bruce A. (2009) *Tibet and International Law*. In *One World – Many Paths to Peace*. Canberra, ANU eView, pp. 139–160.

Carrai M. A. (2019) *Sovereignty in China*. Cambridge: Cambridge University Press, 274 p.

Chiang Kai-shek (1947) *China's Destiny*. New York, Roy Publishers, 347 p.

Chudodeev Yu. V. (2015) SSSR i Kitai nakanune i v gody Vtoroi mirovoi voyny [USSR and China on the eve and during the Second World War]. In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, vol. 45, no. 2, pp. 750–772.

Clark R. M. (2002) China's Unlawful Control Over Tibet: The Tibetan People's Entitlement to Self-Determination. In *Indiana International & Comparative Law Review*, vol. 12, no. 2, pp. 293–328.

Gerasimov D. I. (2022) Sovetsko-kitaiskie otnosheniya v 1919–1924 gg.: formirovanie dal'nevostochnogo uzla protivorechii [Soviet-Chinese relations in 1919–1924: the formation of the Far Eastern knot of contradictions]. In *Chelovecheskii kapital*, no. 7, pp. 11–22.

Fairbank J. K. (1986) *The great Chinese revolution, 1800–1985*. New York, Harper and Row Publishers, 396 p.

Fairbank J. K., Goldman M. (2006) *China: a New History*. Harvard, Belknap Press, 560 p.

Hari Har Jnawali (2023) Tibet's response to state nationalism: Utilising China's fear of secession. In *Studies in Ethnicity and Nationalism*, vol. 23, no. 2, pp. 158–177.

Herzer E. (2002) *Self-governance through an autonomous arrangement*. New Delhi, Tibetan Parliamentary and Policy Research Centre, 28 p.

Hiroki Morikawa (2017) In Pursuit of Peace: Zhou Gengsheng's Internationalism after the World Wars. In *ZINBUN*, no. 47, pp. 177–194.

Dulaney A. G., Cusack D. M., van Walt van Praag M. (1998) *The Case Concerning Tibet: Tibet's Sovereignty and the Tibetan People's Right to Self-determination*. New Delhi, Tibetan Parliamentary and Policy Research Centre, 114 p.

Hoffheimer D. J. (1979) China and the International Legal Order: An Historical Introduction. In *Case Western Reserve Journal of International Law*, vol. 11, pp. 251–266.

Kuz'min S. L. (2023) Russko-Mongol'skoe soglasenie 1912 g. i mezhdunarodno-pravovoi status Mongolii [Russian-Mongolian Agreement of 1912 and the international legal status of Mongolia]. In *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, no. 1, pp. 11–35.

Kuz'min S. L. (2023) Mezhdunarodnaya reaktsiya na Russko-Mongol'skoe soglasenie 1912 g. [International reaction to the Russian-Mongolian agreement of 1912]. In *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, no. 1, pp. 69–91.

Li Chen (2022) A forgotten proponent of a league of nations and his contributions to international law. In *Leiden Journal of International Law*, vol. 35, no. 2, pp. 245–263.

Litvinovskii I. A. (2013) Vosstanovlenie sovetско-kitaiskikh otnoshenii v 1924 g. [Restoration of Soviet-Chinese relations in 1924]. In *Rossiiskie i slavyanskije issledovaniya: nauchnyi sbornik*, is. 8, ed. by A. P. Sal'kov, O. A. Yanovskii. Minsk, BGU, pp. 174–184.

Millward J. A. (2023) Sinicisation, the Tribute System and Dynasties: Three Concepts to Justify Colonialism and Attack non-Sinitic Diversity in the People's Republic of China. In *IAI Papers*, 23 | 17 July, 18 p.

Netuzhilov K. E. (2016) Yaponо-kitaiskaya voyna (1937–1945) v otrazhenii sovetскоi periodicheskoi pechati [Japanese-Chinese war (1937–1945) in the representation of the Soviet periodical press]. In *Rossiya v global'nom mire*, no. 8, pp. 104–112.

Nol'de B. Je. (2023) Mezhdunarodnoe polozhenie Mongolii [International position of Mongolia]. In *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, no. 1, pp. 178–196.

Perdue P. C. (2015) The Tenacious Tributary System. In *Journal of Contemporary China*, vol. 24, no. 96, pp. 1002–1014.

Sloane R. D. (2002) The Changing Face of Recognition in International Law: A Case Study of Tibet. In *Emory International Law Review*, vol. 16, pp. 107–186.

Sun' Jatsen (1985) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Nauka, 780 p.

Van Walt van Praag M. (1987) *The Status of Tibet: History, Rights and Prospects in International Law*. Boulder, Colo., Westview Press, 381 p.

Wang Chenyu (2021) *The Status of Tibet in International Law – From the 1840s to the 1950s*. Utrecht, Universiteit Utrecht, 244 p.

Wang Tieya (1990) International Law in China: Historical and Contemporary Perspectives. In *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 221, pp. 199–369.

Watson S. (1997) Self-determination and the International Legal Order: the Tibetan Experience. In *James Cook University Law Review*, vol. 4, pp. 89–102.

Yuanzhen Ji (2018) The Generation and Development of International Law Ideology in China. In *Chinese Studies*, vol. 7, pp. 114–123.

Zhipeng He, Lu Sun (2020) *A Chinese Theory of International Law*. Singapore, Springer, 248 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.10.2024

Дата принятия рукописи в печать: 20.02.2025